

Чиновники подавились редакторшей Острой

Случилось небывалое! Суд оправдал ершистую начальницу районной газеты, которую пытались съесть за критику местных властей и нравов.

«ОТСЕЧЬ ГАНГРЕНУ» СВОБОДЫ

После объявления приговора адвокат Алексей Иванов спросил:

– Ты сомневался? Только честно.

– Сомневался ли я?! – усмехаюсь. – Да ни секунды не верил! Абсолютно. Таких чудес в России не бывает!

Два года длился суд. Два года мы делали все, чтобы спасти редактора районной газеты «Наша иртышская правда» Евгению Острую от своры чиновников. Грубо?

Тогда я еще раз повторю – «своры»! И именно «спасти».

Ведь Острая с точки зрения современной региональной журналистики все делала неверно. Самоубийственно неправильно. Оправдывая свою колючую фамилию, она превратила скромную газету в зубастую, едкую, защищающую интересы ее настоящих хозяев – жителей Большереченского района Омской области. В итоге «Наша иртышская правда» в четыре раза увеличила тираж и по местным меркам стала рентабельной газетой (лишь 30% бюджета – деньги государственные, да и те по контракту за публикацию официальной информации). Скоро о журналистском самородке узнала и Москва – маленькая газета Острой вошла в десятку

лучших регионалок в России и получила главную награду от Фонда защиты гласности.

Что не понравилось главе района Василию Майстепанову, которому приходилось каждую планерку начинать с чтения районки: где на этот раз его горе-чиновники напортачили. Но главное, это не понравилось тогдашнему главе омского управления по информполитике Станиславу Сумарокову.

Он откровенно мне рассказывал:

– Собрал я редакторов районок и сказал: нельзя, коллеги, все рисовать черными красками, нужно адекватно отражать деятельность власти...

Цитирую свой прошлогодний репортаж.

– Давайте будем откровенны, – предложил Сумароков. – Газеты утверждены правительством Омской области, и мы, работодатели, должны определять их политику. Да, пришлось пойти на крайние меры. Это как выбор врача – либо отсечь начавшуюся гангрену, либо пациент потеряет всю ногу. Я отсек! Другие редакторы сделали выводы...

– Но вы нарушаете закон «О печати», – предупреждаю. – Учредитель не имеет права вмешиваться в политику издания. Да и районка принадлежит не чиновникам, а народу...

«ПЕРЕСАЖАЕМ!»

Глава управления в итоге уволил Евгению Острую. А когда коллектив обратился с письмом к Путину, Сумароков прислал в Большеречье проверку и самолично написал заявление в следственные органы. На журналистку возбудили уголовное дело по статье «растрата» (Острой ставилось в вину получение вместе со всеми журналистами 13-й зарплаты, отпускных и компенсации за ведение верстки – в общей сумме 126 648 рублей).

Кроме того, в уголовном деле было обвинительно указано: «Для газеты характерно задиристое отношение ко многим событиям в

районе и такое же отношение к представителям местного самоуправления».

Тут было все предельно ясно. Хладнокровно убивая газету, чиновники учили нас, журналистов: хотите жить спокойно и на свободе – не лезьте в наши дела! Пересажаем!

Нахальство властей просвечивало даже сквозь уголовное дело, чья загадочная суть словно списана с Кафки: нельзя платить зарплаты и отпускные по трудовому договору из заработанных газетой денег, если чиновник не разрешал.

Власти были абсолютно уверены – они упрямо редактору покажут, где место прессы. Оправдательных приговоров в России, как известно, 0,01%. Русский суд, дескать, все стерпит.

И началась война за Острую.

«Комсомолка» опубликовала два моих репортажа: «Чтоб жил народ легко и просто, чиновники съели редакторшу Острую» и «Журналистку Острую судят за то, что дала понять: чиновник – дурак».

Главный редактор «КП» предложил Евгении перейти на работу в нашу газету.

А прокурор, словно в отместку, запросил у суда для Острой полгода реального лишения свободы...

Острая в последнем слове уже ни на что не надеялась.

«Мы перешагнули третий год сначала предварительного, потом судебного следствия. За эти годы мои дети преодолели самый золотой возраст, а я не могла быть с ними мысленно каждую минуту, не могла разделить их радости, потому что была размазана обвинением в том, чего не совершала. За это время состарились мои родители, в глазах которых стоял немой вопрос: когда все это закончится?! Я понимаю, что моральная сторона здесь мало кого трогает, но хочу получить удовлетворение от того, что все это сейчас скажу. Мне жаль вас, господин

прокурор (и я надеюсь, что мое сочувствие не оскорбит вас так, как доводы моего защитника о некомпетентности следствия и гособвинения), если вам приходится заниматься профанацией. Могу сказать, что я честно трудилась и оставила работоспособную команду, авторитетное издание. Со всей ответственностью заявляю, что это было золотое время для нашего издания... Я не рассчитываю, что этот абсурд мне удастся победить. Но мне нужно выпускать в жизнь своих детей. Учить их добру и вере в людей, не идти на сделку с собственной совестью. По-моему, что-то не так в нашем королевстве, господа! Мой защитник называет это реальностью абсурда. Так вот мы все здесь его участники. Спасибо».

«ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ. И ВСЕ»

И Острая была оправдана. Полностью. С правом на реабилитацию.

«Ура, благородный дон!» – написал мне суперадвокат Алексей Иванов (мы за время долгого процесса даже обзавелись кличками). Удивительный человек. Иванов защищал подсудимую бесплатно, из редкого убеждения «журналистов обижать нельзя».

– Ты сомневался? – торжественно хохотал он.

«Понимаешь, дело не только в журналистике, – устало писала Острая. – Они там всех за преступников считают. Попадешь в эту мясорубку – не выберешься. Мне повезло...»

– А если честно, Володь, – вдруг сказала она. – Теперь хочется просто жить, и все. Мечтать, строить планы на покупку холодильника... Борьба за чужие права желание пропало, думаю, навсегда.

И выходит, отправленный в отставку начальник управления Сумароков все-таки не проиграл. Нет. Он сумел «отсечь гангрену» свободолюбия и профессиональной чести омской журналистики.

Что может заставить ее воевать с чиновниками и рисковать

повторить путь Острой?

Разве что совесть...

Владимир Ворсобин

